

*Умереть — это выбор? Либо безысходность.
Или же безысходность — тоже выбор?*

*Нужно быть либо первым, либо последним,
чтобы о тебе помнили.*

Часть первая
ДЕЛЬФИЯ ЭТЕЛ

Глава 1

КАК ЗЛОБЕН В БУРЮ ОКЕАН

Я считаю шаги, когда иду домой. Я всегда так делаю.

Девяносто три. Девяносто четыре. Девяносто пять.

Кто-то толкает меня в плечо, я резко покачиваюсь, но глаз не поднимаю, лишь прибавляю скорость и еще четче считаю: *девяносто девять, сто, сто один.*

Я смотрю на серый искореженный асфальт и плетусь, сгорбив от раздражения спину. Я так часто стискиваю руки в кулаки, что у меня на ладонях образовались темные ссадины бордово-синеватого цвета. Они ноют. Я считаю шаги, сосредоточившись на боли, ползущей по пальцам. Я рада, что ладони зудят, так проще. Не знаю, что бы я делала, если бы не спасительные цифры и боль.

Двести восемьдесят семь, двести восемьдесят восемь. Дом уже близко. *Двести девяносто.* Люди далеко. Вокруг моего дома пустырь, но мне это необходимо.

Поднимаюсь по ступеням, решительно открываю дверь и врываюсь внутрь, едва не споткнувшись на пороге. Случайно ударяюсь плечом о дверной косяк, и тут же плечо обжигает боль, но я рада этому. Лучше моя боль, чем боль других.

В доме стоит запах старой мебели, но я привыкла к нему. Это запах спокойствия. Я вбегаю в ванную комнату, проворачиваю кран и нервными движениями стягиваю с себя одежду. Жду, пока вода дойдет до края, закрываю кран и погружаюсь под толщу, втянув воздух как можно глубже в легкие.

Тишина. *Раз, два, три, четыре, пять.* Я могу быть здесь столько, сколько пожелаю.

Вода поглощает звуки, обволакивает тело и не дает чужим чувствам, голосам, боли проникать в голову. Вода — *моя тюремная камера*, но я не хочу выбираться на свободу. Только здесь, в безмолвной тишине, я чувствую *себя*, переживаю *свои* ощущения.

Пятьдесят три, пятьдесят четыре, пятьдесят пять.

Дышать уже трудно, я сжимаю бортик ванны, но не поднимаюсь.

Плечи расслабляются, исчезает звон в ушах, я чувствую, как пузыри воздуха несутся по моей коже, и представляю, как они лопаются на поверхности. Они разрываются на сто, а может, и двести миллиардов частичек! А я не разорвусь, не сейчас, потому что я в своем убежище. Здесь я причиняю боль только себе.

«Как злобен в бурю океан, — говорю я про себя, зажмурившись, — но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне».

Легкие вспыхивают от боли, дышать почти нечем, но я не вынырываю. Снаружи еще больнее, ведь я пропускаю боль каждого через себя. Больнее, ведь не всем я в состоянии помочь, а иногда я просто не хочу. Исцеляя других, я причиняю вред себе. И, возможно, я эгоистична, но мне кажется, спрятаться в собственной тюрьме правильнее, чем погрязнуть в тюрьмах окружающих.

Так или иначе все выстраивают вокруг себя стены.

Мои стены не только отгораживают от людей, но и не пропускают их ощущения.

«Как злобен в бурю океан, — повторяю я про себя. Тело дергается в конвульсиях, а я лишь крепче сжимаю бортик ванны. — Но рыбы в глубине... Рыбы...»

Пожар ошпаривает легкие. Сейчас я отключусь. Я уже отключалась, и много раз. Но затем чьи-то руки вырывают меня из плена, и, резко распахнув глаза, я оказываюсь лицом к лицу с испуганной матерью.

— Успела, — тараторит она хриплым голосом, — успела.

Она обхватывает меня сильными руками и вытаскивает из ванны. Я безвольно падаю на кафель, сворачиваюсь клубком и чувствую, как из ванны на меня обрушиваются волны, качающиеся из стороны в сторону.

Я не помню, когда было иначе. Наверное, это происходит всю мою жизнь.

В ванной комнате припасено одеяло. Мама накрывает мне плечи и трясущиеся ноги. Ее грудная клетка тяжело вздымается и опускается, но мама не злится. Она никогда на меня не злится. Ласково поглаживает мокрые волосы и напевает себе что-то под нос, что успокаивает меня, как колыбельная.

— Как злобен в бурю океан, — шепчет она, и я впитываю тепло, которое исходит от ее объятий, — но рыбы в глубине живут в недвижных водах, как во сне.

— Как во сне, — повторяю я и разжимаю кулаки.

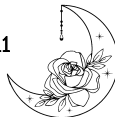
Ноги расслабляются, я плотнее укутываюсь в одеяло. Мама целует меня в макушку, а затем улыбается. Я не вижу, но чувствую, что теплота заполняет ее сердце.

— Идем.

Трудно представить мою жизнь без приступов и осложнений. Тогда это была бы и не моя жизнь. Так происходит уже девять лет. Я существую с виной и угрызениями совести. Я не могу спасти всех, а главное — не хочу. Но мои способности для этого и появились: я должна облегчать муки тех, кто их испытывает. К сожалению, впитывая боль людей, я пропускаю ее через себя. Мой организм больше не хочет тлеть от сомнений и разрываться на части от неразделенной любви. Организм изношен, сердце требует справедливости, а рассудок так и верещит, что еще чуть-чуть — и спасать придется меня.

Когда я вижу человека, я вижу его *неисправность*. Понимаю, в какой момент он сломался, и нахожу пути исцеления. Надо прикоснуться к нему ладонью и впитать в себя его ощущения. Последствия бывают разными. Обычно мне не терпится вернуться домой, но иногда я не успеваю добраться до мамы. Я теряю сознание и еще долго блуждаю где-то далеко, рассекая время абсолютно другим человеком.

Ненавижу свои способности! Я призвана помогать тем, кто не ценит мою помощь. Отказываться нет сил. Словно на дозе, я ищу все новых искалеченных чужаков, которые так сильно во мне нуждаются. Потом помогаю им, а они уходят, не сказав ни

слова. Даже не притворившись, что я дала им второй шанс, дала им возможность задышать заново.

Люди — черные пустые точки на огромной карте. Они сталкиваются, отталкиваются, старательно делают вид, что мир был создан именно для них, воздух, чтобы они дышали, земля, чтобы по ней ходили. Люди не думают, что и без их присутствия воздух оставался бы воздухом, как и земля землей. Они много о себе возомнили, а я должна их спасать.

Почему? Не хочу! Они не заслуживают.

Я понимаю людей, их чувства и мотивы, и, знаете, лучше бы их потаенные желания так и оставались для всех загадкой, потому что зачастую за тем или иным плохим поступком не стоит никакой высшей цели. Люди причиняют друг другу боль от злости, из зависти. Они просто делают — и все. В этом нет смысла, но иначе они не умеют. Лучше бы я не понимала и не знала отгадку, а оставалась в неведении и наивно полагала, что у каждого слова есть причина. Но нет, причин не существует, как и хороших людей.

Мы сидим за круглым столиком. Я разглядываю еду в тарелке, понимая, что не хочу к ней притрагиваться. Сглатываю ком в горле и хмурюсь, разминая пальцы под столом.

— Дел, еда остывает.

— Не хочу, я не голодная.

— Сама не понимаешь, что говоришь. Не капризничай, ладно? — Мама улыбается. Она постоянно мне улыбается. Отпивает воды и смотрит на меня заботливым взглядом, словно просит прощения. Ее родословная оставила отпечаток на наших жизнях. Ее бабушка была ведьмой. Из-за ее родных мы стали такими. Но я никогда не винила мать. Мама — то, что не дает мне утонуть. Она единственный светлый человек на моем пути, и я никогда не хотела ее исцелить, потому что всегда знала, что она сильная и не нуждается в помощи. — Зашла в магазин?

— Что?

— Тебе надо было в магазин, поэтому ты выходила из дома.

— Да, — киваю в ответ.

Всего лишь магазин, всего лишь в нескольких сотнях метров от дома...

Провожу пальцами по волосам. Они еще не высохли. Мок-
рые, они падают на плечи, а за ними тянутся тонкие струйки.

— Мы же договорились, что ты будешь предупреждать меня,
когда уходишь. Помнишь, Дел?

— Ага, только ты и так все знаешь.

— А если бы не знала?

— Ты в-в-всегда все знаешь, — заикаясь, отвечаю я.

Я редко заикаюсь, но каждый раз, когда язык отказывается
подчиняться, мне хочется взвыть от отчаяния.

Моя последняя попытка «отдохнуть от мира под водой» за-
кончилась плохо. Я отключилась, а пришла в себя уже в боль-
нице с багажом физических проблем. Я никак не ожидала, что
едва не переступлю черту, да еще и вернусь искалеченной.

Доктора сказали, что я повредила какой-то канал в каком-то
отделе мозга. Они очень много тогда говорили, но я не могла
слушать, потому что больница не лучшее место для человека,
который впитывает в себя боль и чувства окружающих. Столк-
нуться с последствиями мне пришлось уже дома, когда я не
смогла нормально позвать маму, когда я просталась с отцом. Он
работает на судне, мой голос осип, и вместо нормальных звуков
я заикалась в нашу последнюю встречу, как старая пластинка.

— Сегодня было столько клиентов, — сообщает мама, по-
правляя густые волосы, — ты и представить себе не можешь.
Я еле успевала! Хорошо, что Айрис согласилась помочь.

Я удивленно скидываю брови.

— Да, Айрис согласилась помочь, потому что я пообещала
ей надбавку. Но, знаешь, у этой девушки действительно есть та-
лант. Она составляет невероятные букеты, дорогая.

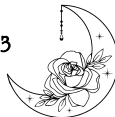
— Не сомневаюсь.

— Тебе понравилось бы.

Пожимаю плечами, а мама вздыхает. На ней длинное бесфор-
менное платье, которое она, возможно, носила еще в эпоху хип-
пи. Или кто там строил иллюзии насчет счастья? Я почему-то
думаю, что она выглядит как никогда красивой, пусть давно уже
не отдыхала.

Собираюсь встать и слышу:

— Осторожно!

Но уже поздно — я случайно задеваю локтем тарелку. Она падает и разбивается на десятки осколков, которые разлетаются по всей кухне. Горошины разбегаются по полу.

— Прости, — извиняюсь я и все же поднимаюсь из-за стола, — я не хотела.

— Дел, все в порядке.

Нет. Я падаю на колени и нервно собираю осколки, царапая пальцы, а мама протяжно выдыхает, присаживается рядом и кладет мне на плечи теплые руки.

— Все хорошо.

Стискиваю зубы и считаю: раз, два, три, четыре... Сколько горошин? Пять, шесть, семь, восемь. А сколько осколков? Их меньше, но они опаснее.

— Я уберу, дорогая.

— Но ведь это я разбила!

Мама чувствует ужасную усталость и отворачивается, потому что знает, что теперь и я это почувствовала. Ей меня жаль. Я смотрю на свои пальцы и вижу мелкие царапинки, из которых течет кровь. Я действительно заслуживаю сожаления. Я мерзкая. Дефектная...

Мама словно читает мои мысли. Она оборачивается и молча прижимает меня к себе, и тогда я понимаю: нет, мама никогда не считала меня мерзкой. Мама меня любит, и в ее объятиях мне всегда спокойно. Как в океане.

— Иди, отдыхай. Я все уберу.

Послушно встаю и иду в свою комнату. *Раз, два, три* — считаю ступеньки. В комнате темно. Шторы задернуты. Достая наушники, включаю музыку и прибавляю громкость до тех пор, пока уши не начинают болеть.

Глава 2

УТЕС

Я почти уверена: чинить людей бессмысленно. Они перестают чувствовать боль, но при этом я не исправляю того, что им удалось разрушить. Знаете, когда людям больнее всего? Не в последнюю секунду. *После*. Люди ломаются не в процессе, а как результат. Не в тот момент, когда наступает самое сложное, не в тот момент, когда груз ответственности горит на плечах и пылает, как свежее мясо на вертеле. Люди ломаются, когда все кончено: бой проигран, близкий потерян, рана кровоточит, когда слишком поздно. Не тогда, когда надо что-то сказать, а когда уже говорить нечего; когда поезд уехал, а момент упущен. Ты потерял нечто важное и лишь теперь понимаешь, как это «нечто» много для тебя значило. Потом я прикладываю ладонь, забираю из груди вопли совести или пики боли, и человек открывает глаза — он продолжает жить, но жить в руинах собственной глупости. В пустыне собственного одиночества. Я помогаю им начать все заново. Но понимаете, что самое смешное: люди — идиоты, и они вновь и вновь повторяют свои ошибки. Не возводят новые стены, а продолжают топтаться на обломках своих надежд и стремлений, добавляя в эту гору новые свершения, у которых нет будущего. А я их лечу. Опять и опять.

Бессмыслица. Невероятно глупая способность: забирать боль у тех, кто за эту боль держится, кто стремится к новой боли.

Я встаю, заправляю кровать и подхожу к зеркалу. Расчесываю волосы медленно и сосредоточенно, считая это одним

из тех занятий, что отвлекают от того, что творится за окном, и внезапно становлюсь похожей на обычного человека. Правда, это иллюзия, конечно.

Я далеко не обычный человек. И проблемы у меня *не* человеческие.

Я спускаюсь вниз. Мамы уже нет. Она рано уходит. Наверное, специально убегает, чтобы я не перенимала ее чувств. По утрам жизнь часто кажется невыносимой. Ночью ты готов свернуть горы, а с рассветом хочешь слиться с пылью.

Послезавтра Йоль — день зимнего солнцестояния. Мне опять придется запереть себя в ванной комнате, а матери вновь придется не вставать с постели. Но мы привыкли.

Мне хочется прогуляться, хотя я прекрасно понимаю, во что это может вылиться. Но сидеть дома невыносимо. Когда-то я уже пыталась запереть себя, замуровать в коттедже, как в тюрьме, лишь бы не встречаться с людьми и не испытывать их чувства. Но потом до меня дошло, что из дома выходить нужно, иначе я окончательно сойду с ума.

Я натягиваю куртку и выхожу из дома, не поднимая глаз. Я привыкла смотреть на носки кроссовок и считать шаги: это отвлекает от происходящего вокруг.

Сразу сворачиваю с главной дороги. Бреду вдоль леса, вдыхаю запах хвои. Ветер завывает где-то высоко в небе, а я иду по тропинке и считаю: *шестьдесят два, шестьдесят три*. Слышен рокот волн. *Шестьдесят пять*. Чувствуется запах океана. Эта дорога — мое спасение, изолированный путь от неприятностей, бушующих в городе.

Через какое-то время я оказываюсь перед пугающей пропастью. Папа показал мне это место и сказал, что я могу находиться здесь сколько пожелаю. Могу наблюдать за волнами и ждать, когда он вернется. Могу первой увидеть его лодку.

Я подхожу к краю обрыва, усаживаюсь на сухую землю и выдыхаю.

Папа редко бывает дома, он почти все время рыбачит. Иногда я не вижу его неделями и невероятно скучаю. Они с мамой словно были созданы для такой непутевой дочери. Даже не знаю, что бы со мной сделали другие родители.

Я наблюдаю за грозовыми тучами, скопившимися над горизонтом.

— Ты никогда меня не слушаешь! — неожиданно раздается за моей спиной женский голос, и я резко оборачиваюсь. — Никогда!

Отлично! Впервые за долгие месяцы кто-то решил посетить этот утес одновременно со мной. Спасибо, Удача, ты блестяще сработала.

— Чего ты орешь?

— Не трогай меня!

— Ко мне живо подойди, идиотка!

Внезапно я ощущаю такой поток ненависти, что у меня перехватывает дыхание. Тут же хватаюсь пальцами за горло и широко распахиваю глаза. Нет-нет, пожалуйста!

— Что я тебе сделала? — в слезах кричит девушка. — Что я тебе...

Раздается звук звонкой пощечины, и я дергаю головой, словно ударили меня.

Ненавижу людей.

Ссора прекращается. Звуки стихают. Кажется, все закончилось, но нет. Я знаю правду, чувствую ее. Парень уходит, ненависть исчезает вместе с ним. А затем на утес, с трудом переставляя ноги, выходит девушка. На ее лице горит след от пощечины. Слезы катятся по щекам. Она становится почти на самый край и только потом замечает меня.

Я всегда вижу, когда людям стыдно за то, какие они, за неумение дать сдачи, за неуважение к себе. Такие девушки, как эта, словно дымка: они не живут, а плавают и мельтешат перед глазами. От них отмахиваются, их не воспринимают. Ими пользуются, ею пользуются, пользовались так много раз. Я вижу правду в серых глазах незнакомки. Она не убегает, а я поднимаюсь на ноги.

В голове щелкает, будто сдвинулась стрелка часов. Я наклоняю голову, смотрю на девушку и понимаю, что она поломана. Ее надо починить. Надо забрать ее боль, отнять ужас, стыд. Я могу это сделать. Но хочу ли я? Нужно ли это?

Неважно. Мои способности никогда не спрашивают разрешения. В какой-то момент я просто перестаю себя контролировать и становлюсь совершенно другим человеком.

— Ты плачешь. Я могу это исправить. — Делаю шаг вперед, внизу волны врезаются в скалы с оглушающим грохотом. — Тебе не будет больно, я обещаю.

Но ей будет больно, и еще много-много раз, потому что она вновь вернется к тому кретину, что ударил ее, или найдет нового. Она не умеет иначе. Она не вынесет урок, если я избавлю ее от стыда, заберу ненависть, сделаю жизнь проще, но жизнь этого не любит — не любит быть простой, она ударит вновь, и гораздо сильнее.

Темноволосая девушка дергается, когда я подхожу совсем близко. Но я не отступаю. Изучаю пристальным взглядом полопавшиеся сосуды в ее глазах, эти тоненькие нити, что тянутся вокруг радужки воспаленной паутиной. Изучаю отпечаток его руки. Да, видно даже слишком отчетливо — грубые, толстые полосы на щеке и подбородке.

— Тише, — убаюкиваю я, — тебе станет легче, я лишь прикоснусь рукой.

Я должна, меня тянет зависимость, доза. Воздух застревает в горле, и я понимаю, что смогу дышать только тогда, когда выполню предназначение, сделаю ее жизнь лучше.

Тиш-ш-ше.

Я прикладываю ладонь к груди девушки, и волна боли врежется в меня. Спина выгибается, рот распахивается в немом крике. Я смотрю в небо и чувствую, как сквозь меня пронесится поток невыносимой боли, унижения и стыда. Колени подгибаются, но я стою, даже когда ощущаю слезы на щеках, когда хочу сорвать с себя кожу, потому что считаю ее грязной. Тиканье часов, ее жизненных часов, вопит в моей голове. Каждая упавшая слеза, каждый удар, каждый вдох...

Как всегда, все заканчивается слишком резко.

Я отлетаю в сторону, прижав к груди руку, а незнакомка валится на колени.

Теперь ей будет лучше. А вот меня охватывает невообразимая боль. Я встряхиваю волосами, зажмуриваюсь, но боль не проходит. Я ощущаю себя гнилой.

Она была гнилой, эта девушка, я ее починила.

— Ненавижу, — шепчу я и, хромая, отхожу.

Это мой утес. Мой! Здесь никого не должно быть. Слезы градом катятся по щекам, а на голову падают огромные дождевые капли. Я плетусь домой, прижимая к себе руки, но становится только хуже. Я вижу, как эта девушка плачет у себя дома, как ее прижимают к стене мужчины — всегда с разными лицами. Они делали ей так больно, почему она не сопротивлялась, почему терпела?

Ноги заплетаются, я опираюсь о дерево, а над головой вспыхивает молния.

Иногда я жалею, что не могу прикоснуться к своей груди и забрать свои эмоции. Так ли важно чувствовать? Сейчас люди руководствуются не светлыми ощущениями, а теми, что приносят боль. Сейчас чуждо добро как справедливость, сейчас ты становишься, даже невольно, обозленным, обиженным, сломленным. Нужно ли это людям?

Без эмоций жить гораздо легче. Как от них избавиться?

Я невольно смотрю на обрыв. Да, там, внизу, морская пучина, которая всегда готова раскрыть объятия. Она ждет меня и манит. Она знает, что я нуждаюсь в тишине и покое, и сможет помочь мне.

Очень медленно отхожу от дерева, смахиваю холодными руками капли дождя.

Смерть. Обычное явление. *Мы рождаемся, чтобы умереть* — таков закон. Некоторые пытаются заполнить тонкую черту, стоящую между цифрами на надгробье, событиями и воспоминаниями. Некоторые, такие же, как я, просто хотят пропустить ту фазу жизни, при которой у тебя ничего не получается, а жизнь предстает в виде колючего шара, как можно быстрее. Знаете, я ведь не против испытаний, просто они должны к чему-то приводить, ты не должен страдать просто так. Должна быть цель, замысел.

Я не вижу цели — я вижу обрыв. Подхожу к краю и вытираю ладонью лицо. Порывы ветра хлещут по щекам так же грубо, как мужчина бил по щекам неизвестную девушку. Думаю, она уже далеко. Она убежала и решила, что жизнь стала иной. А я вижу свою жизнь внизу, в бирюзовой пучине с пенистыми гребнями. И я хочу прыгнуть.

— Нет! — раздается незнакомый голос одновременно со вспышкой, полоснувшей по небу острым клинком. Я резко оборачиваюсь.

Метрах в десяти от меня стоит невысокий парень, он машет руками, словно я дикое животное. Справа от него темноволосая женщина. Она стоит в такой позе, будто готова накинуться на меня в любую секунду.

— Нет, не надо, подожди, — повторяет незнакомец, сделав крошечный шаг вперед. По его запотевшим очкам катятся струйки дождя. — Отойди от края, слышишь?

— Вы кто такие?

— Пожалуйста, — вмешивается женщина, — мы хотим помочь.

Я растерянно моргаю, пытаюсь смахнуть недоумение с глаз, но ничего не выходит. Я впервые вижу этих людей и искренне не понимаю, с какой стати им спасти мне жизнь. Не умеют люди помогать друг другу, я знаю. А они пришли сюда не просто так, я чувствую.

— Кто вы?

— Давай поговорим у тебя дома, Дельфия.

Они знают мое имя. Я ошеломленно смотрю на них и слышу, как скалы отражают натиск тонн воды. Земля под ногами даже трясется. Мне не нравится происходящее. Я ощущаю себя загнанной в клетку.

— Твоя мама сказала, где тебя найти.

— Но...

— Она это предвидела, — опережает мой вопрос парень в огромных очках. — Ты не должна прыгать, Дельфия. Ты ведь не хочешь.

— Хочу.

— Твоя мама. Ей стало плохо.

— Что? — Холод проносится по моей коже. Пожалуй, ко мне возвращается нечто настоящее, нечто реальное. Не наваждение, не обида — страх.

— У твоей мамы было видение, в котором ты прыгнула, Дельфия. Ей стало нехорошо, поэтому мы искали тебя, она сказала, где ты будешь. Это не судьба и не случайность.

О нет.

Я тут же срываюсь с места. Надо срочно найти маму, чтобы попросить прощения. Не знаю, что на меня нашло? Какая же я глупая, беспомощная, слабая...

— Подожди, пожалуйста! — Парень нагоняет меня, хватая за руку, но я отстраняюсь. — Не убегай, черт возьми, мы ведь хотим помочь тебе, слышишь?

— Вы не мне хотите помочь, а себе.

Люди одинаковые. Всем что-то нужно, и только тогда они становятся теми, в ком вы нуждаетесь, лишь взамен на что-то или для выгоды. Не обольщайтесь, доброта — валюта, которой сейчас расплачиваются. Она не идет от сердца и от души, ее уже успели растоптать и превратить в пыль, которую люди пускают друг другу в глаза.

Мне кажется, я бегу целую вечность. Легкие горят, но я не обращаю внимания, лишь считаю в голове проделанные шаги, считаю, сколько раз вспыхивает молния. Это немного успокаивает, но не избавляет от страха, борющегося с рассудком.

Наконец я вижу дом. Врываюсь в коттедж и захлопываю за собой дверь.

— Мам! — кричу я. — Мама!

Иду по коридору, заглядываю на кухню и чувствую, как желудок делает кульбит.

— Дел, это ты?

Я нахожу маму в гостиной. Она сидит в кресле такая бледная, словно увидела призрака.

— Мама! — Я подхожу к ней и крепко ее обнимаю.

— Дел, — с ее губ слетает сиплый вздох, — дорогая, как же ты меня напугала.

Ее голос срывается, а руки сжимают меня все крепче и крепче. Я не собираюсь открывать глаза. Черт возьми, я не хочу! Я упираюсь лбом в ключицу матери и чувствую колючие слезы, прикатившие к глазам, бессмысленные и предательские слезы.

— Ты...

— Я увидела, как ты прыгнула, как ты вообще додумалась, Дел? Ох, ну как ты могла? Девочка моя, это же чистой воды безумие.

— Так было нужно.

— Нет, не говори подобных вещей, — мама бросает на меня недовольный взгляд. — Если бы каждый раз люди сдавались, на Земле никого не осталось бы.

Мама выходит из гостиной, а я послушно следую за ней. Она останавливается уже в коридоре, тянется к ручке двери, но застывает.

— Я видела это.

— Что?

— Этот день. Видела очень давно, когда ты еще была совсем малышкой. — В ее глазах проскальзывает страх. — Ты должна знать, что я люблю тебя.

— Ма-а-ам.

— Будущее можно изменить, и мы нередко доказывали это. *Я доказывала*, когда видела тебя мертвой, видела, как ты задыхаешься в ванной, но приходила, спасала тебя. Ничего не происходит без вмешательства человека, человек сам решает, по какой дороге пойдет.

— Я не понимаю...

— Ты уйдешь.

— В смысле? Куда уйду, мам? Прекрати говорить загадками, пожалуйста.

— Ты уйдешь, потому что это починит тебя, Дельфия. Починит тебя так же, как ты чинишь других.

Я застываю. Что вообще происходит? О чем она говорит? Ничего не понимаю!

Я испуганно хватаю маму за плечо.

— Ты собираешься впустить тех людей? — В моих глазах вспыхивает изумление.

— Они помогут тебе.

— Не нужна мне ничья помощь. Тем более каких-то чужаков. Они лишь хотят, чтобы им помогла я, как и все.

— В этот раз, помогая другим, ты сможешь себе.

Я покачала головой, не веря, что мама говорит подобное. Какое-то безумие!

Мама открывает дверь как раз в тот момент, когда незнакомый парень собирается нажать на звонок. Он растерянно застывает, а мама выстреливает:

— Проходите.

Вот так просто, без каких-либо вступительных слов и вопросов моя мать позволяет двум незнакомцам переступить порог нашего дома.

Я сосредоточенно изучаю гостей. Парень и женщина проходят в плохо освещенный коридор, останавливаются, переминаются с ноги на ногу и вытирают лица от дождевых капель.

— Простите, что врываемся, — хрипло шепчет женщина и откидывает назад угольно-черные волосы, — мы слишком долго вас искали.

— Не извиняйтесь.

Что? Я ошеломленно смотрю на мать. Она сошла с ума! Она не должна быть доброй и приветливой, не должна общаться с незнакомцами. Люди никогда не раскрывают своих истинных мотивов. Они говорят то, что вы хотите услышать, а потом оказывается, что вас обманули, смутили, выбили из колеи.

— Я Мэри-Линетт Монфор, — говорит женщина и пожимает моей матери руку, — а это Хэйдан Нортон.

— Добрый день, мэм, — улыбается парень, — ну и погода, верно?

Погодка? Анализируй, Дел, анализируй их слова, повадки, жесты, мимику. Им бы до скончания веков скрывать истинную причину прихода, но я все вижу. Вижу изношенное и разбитое сердце женщины, вижу пустоту в глазах парня, не скрытую даже очками.

— Может, пройдем на кухню?

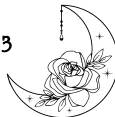
— Может, останемся з-здесь. — Это не вопрос. Я гляжу на гостей и все понимаю. О да, они разбитые, потерянные, потому что близкий им человек сломался. — Как же банально.

— Что именно? — спрашивает темноволосая женщина с кожей такой же бледной, как чистейший снег. — Вы о чем, Дельфия?

— О причине.

— Какой причине?

— Причине вашего появления. И кто это? — Я перевозжу взгляд на парня. — Любовь всей жизни? Сестра? — Усмехаюсь. — *Подруга.*

Незнакомец сглатывает, я чувствую, как колючий ком прокатывается по его глотке, и почему-то вновь усмехаюсь. Никогда еще ко мне не приходили за помощью, это что-то новенькое. Обычно я встречаю страдальцев на улице, в школе, в магазинах. Люди смотрят на меня такими глазами, что просто сил нет отвернуться. Здесь иначе.

Что парень, что женщина глядят на меня воинственно, будто идет война, о которой я не подозреваю, и мое нежелание идти на попятную — детский лепет, непозволительный в такой ситуации.

— Я не служба поддержки.

— Прошу, — Монфор делает шаг вперед. — Вы наша последняя надежда. Мы искали вас больше месяца.

— Что же у вас произошло? — взволнованно спрашивает мама.

— Моя племянница, с ней случилось нечто...

— ...плохое, — опережает ее парень, — весьма плохое.

Я хмыкаю:

— И наверняка весьма несправедливое?

— Так и есть, — твердо отвечает женщина, она даже спину выпрямляет, ведь я, черт возьми, наверняка оскорбила ее чувства. — Моя племянница — хороший человек.

— Ари — удивительная девушка, — вклинивается парень, нервно потирая переносицу, — она не заслужила того, что с ней происходит. Она стала жертвой дьявольских обстоятельств, и я сейчас не метафору использовал, уж поверьте.

— Всегда одни и те же слова. Мне уже надоело это слушать! Придумали бы что-то поинтереснее. Люди вечно не виноваты и вечно оказываются в плохой ситуации по какой-то особенной причине! Но на самом деле они просто совершили плохие поступки. Вам самим не смешно? Вас занесло черт-те куда ради слепой веры в человека, который оказался не таким, каким вы его считали. Но ваша племянница сделала выбор, и я тоже имею право сделать свой. Простите, но сколько бы красивых слов вы мне ни сказали, я ни за что не поставлю жизни незнакомцев выше собственной. Так много раз я читала мысли людей, была в их шкуре, что научилась вести себя соответственно.

Я поворачиваюсь к неожиданным гостям спиной и ухожу в свою комнату.

Нет, пусть сами справляются со своими проблемами. Почти всегда, когда ты ведешь *обычный образ жизни*, катастрофические неприятности не сваливаются на твою голову. И я могу сделать вывод, что, раз уж эта девушка попала в такую *ужасную ситуацию*, она сама напросилась! Тогда с какой стати мне ей помогать?

В комнате сажусь на кровать, складываю руки на коленях и невольно анализирую слова парня, движения женщины. Они проделали такой путь, чтобы надавить на жалость. И все же я почувствовала... нечто теплое. Заботу? Страх потерять близкого? Любовь?

Нет, Дел, нет! Не стоит вновь надеяться, что здесь все иначе. Не стоит верить, что на свете есть еще люди, достойные исцеления. Человечество придумало семь смертных грехов еще в начале своего существования, но даже сейчас названия не изменились, ни один грех не зачеркнули, не добавили новых — как было, так и осталось. Порок и желание — взаимосвязанные тропы, по которым проходит каждый, и эта девушка тоже. Она просто свернула не туда. Но это не моя проблема.

Неожиданно я слышу стук в дверь. Она со скрипом открывается, и на пороге, как ни странно, показывается парень, который уже успел порядком мне надоесть.

— Я зайду?

Не отвечаю. Он все равно зайдет.

Я искоса наблюдаю, как он оглядывает мою комнату, стеллажи с книгами, как проходится пальцами по пыльным корешкам, а потом переводит взгляд на меня.

— Ты много читаешь. Я тоже раньше много читал, но потом...

— Мне неинтересно.

— ...потом началась эта заваруха с ведьмами, знаешь ли, — продолжает он, несмотря на мой комментарий, и сплетает на груди руки, — трудно спасать свой зад и читать Ремарка.

— Это должно меня поразить?

— Ну было бы классно, ведь мне чертовски нужна твоя помощь.

— Как расчетливо: завести друга, чтобы решить личные проблемы...

— Я хотел бы подружиться, но, честно говоря, я не спал уже несколько ночей, от меня жутко несет, и в животе урчит, ведь мы нормально не ели с прошлой... Хануки? Так что я прекрасно понимаю, что для зарождения дружбы не самый подходящий момент.

Молчу. Не хочу говорить. Пытаюсь понять, что его сломало, но натываюсь на нечто абсолютно незнакомое. Озадаченно морщу лоб.

— Что? — растерянно спрашивает парень. — Мое очарование не подействовало?

— Я не могу тебя починить.

Это открытие повергает меня в шок. Я всегда хочу починить человека. Всегда! Я еще ни разу не встречала исключений. Но этот парень не сломан. Он пережил много боли, да, но тьма лишь окружает его. Ее нет в его сердце.

— Я слышан о твоих способностях, — задумчиво говорит он. — Круто исцелять людей и всегда быть в состоянии помочь близким.

— Я бы так не сказала.

— Почему?

— Потому что больно.

— Помогать?

Я киваю и отворачиваюсь.

— Знаешь, смотреть на то, как близкие страдают, терять их — не приятнее. — Парня пробирает холод, я чувствую, как мурашки пробегают по его спине. — Та девушка, о которой мы говорили внизу, Ари...

— Твоя подруга.

— Да, она спасла мне жизнь, — его губ касается легкая улыбка. — Она в беде, и в этом виноват я, к огромному сожалению. Мы как будто ролями поменялись. Раньше меня все спасали, ну, знаешь, эти весельчаки в фильмах... — Хэрри с надеждой смотрит на меня, но я лишь равнодушно пожимаю плечами. — В общем, я должен ей помочь.

— А я тут при чем?

— Черт возьми, Дельфия, ничего в жизни не происходит просто так, верно? Твой дар достался тебе не случайно. Ты должна помогать людям.

Я гневно сжму брови и поднимаюсь с кровати.

— Должна?

— Я... — Хэрри виновато поднимает ладони. — Я неправильно выразился.

— Нет, ты сказал именно то, что хотел. Пришел ко мне, просишь об услуге и даже не задумываешься о моих чувствах. Тебе плевать, что это больно, что мне требуются недели на восстановление. Что я устала помогать тем, кто этого не заслуживает, и видеть в глазах спасенных... пустоту. Вы все равно продолжаете совершать ошибки, и я снова должна вам помогать. Но с какой стати? С какой!

— Дельфия.

— Уходи, — прошу я.

— Пожалуйста, я не хотел обидеть тебя, поверь! Ты ведь можешь прочесть эмоции, да? Прочитай мои, прошу, прочитай их все. Я ни за что не пришел бы сюда, чтобы тебя оскорбить или сделать тебе больно.

— Но именно об этом ты просишь. А я ведь даже вас не знаю.

— Было бы время, я тебе все рассказал бы. Показал бы фотки — идиотские, глупые, со спящим Мэттом и злой Ари, но времени мало. Я даже не уверен, что мы уже не опоздали, понимаешь? И мы... Мэри-Линетт сильная, она может тебя насильно запихнуть в машину.

— Что?

— Но, — быстро продолжает парень, — она так никогда не поступит. Мы не такие, мы хорошие. И Ари хорошая. Поехали с нами, ты сама в этом убедишься!

Глаза Хэрри горят от отчаяния и страха. А я устало выдыхаю.

У меня не осталось сил на то, чтобы поверить в хороших людей. На то, чтобы самой стать хорошей. В этом мире, который мы выстроили вместе с мамой, мне спокойно, тихо, безопасно. Разве я должна променять его на искорку надежды?

— Нет, — наконец отвечаю я. — Уходи! В-вы зря проделали такой д-долгий путь.

Парень стискивает зубы, прожигает меня холодным взглядом, а затем кивает.

— Хорошо. — Ни намека на прежнего весельчака. — Как скажешь.

Парень уходит, а я крепко зажмуриваюсь.

Почему я стала такой? Качаю головой и выдыхаю. Откуда во мне столько злости? Нет, я помню, в какой момент изменилась, но почему ничего не могу с этим поделать? Я всегда буду смотреть на людей и видеть неблагодарных монстров.

Даже я стала чудовищем — превратилась в того, кого осуждаю.

Капли дождя бьют по окну. *Раз, два, три, четыре, пять...*

Мне хочется освободиться от боли, но, возможно, это получится лишь тогда, когда я приму боль как часть себя, как часть этого мира. Счастье не имеет сладкого привкуса, если перед этим мы не страдали. А разница видна только в том случае, если показаны обе стороны монеты. Есть люди плохие и все-таки есть хорошие.

Много ли их осталось?

Стою ли я с ними в одном ряду?

...шесть, семь, восемь.

Осознание того, что я поступаю ужасно, неожиданно отрезвляет меня.

Ко мне пришли за помощью, а я прогнала их, выставила за порог. Кто я после этого? Как найти способ починить собственную душу, когда она погружается в такую темноту?

Я встаю и медленно выхожу из комнаты. Безумие, конечно, но я не могу иначе. Так меня воспитала мама. Так меня воспитал отец. Я видела хороших людей, да, ведь они вырастили меня и каждый день дарили мне заботу и любовь. Ради этого надо пытаться, не опускать руки. Верить.

Я спускаюсь по лестнице и оказываюсь перед гостями как раз в тот момент, когда незнакомка тянет на себя дверь.

— Стойте! — прошу я, вытянув руку. — Я... я поеду с вами.

Глава 3 РУИНЫ ПРОШЛОГО

Мы едем в машине уже больше пяти часов, я сижу сзади и молчу, упрямо изучая все, что попадаетея взору. Лишь бы не искать логики в поступках и не пытаться понять себя и свои мотивы. Наверное, выглядит это странно: я еду в компании двух незнакомцев, надеюсь привести в себя очередную незнакомку, с одним лишь отличием — она живет в Астерии. Я об этом городке и не слышала.

Я насчитала несколько сотен проезжающих машин, затем переключилась на деревья, но они пролетают слишком быстро, глаза устают. Тогда я принимаюсь пылко изучать собственные ладони, будто вижу их впервые. Мне жарко. Я потеряна. Где я и что происходит, почему я не дома? Я хочу погрузиться под воду.

— Слушай, давай начнем все заново! — неожиданно говорит сидящий на переднем сиденье надоедливый парень и оборачивается. — Я Хэрри.

Продолжаю хранить молчание, разглядывая ногти. Но парня я ничуть не смущаю, он придвигается ближе и улыбается. Господи, когда он уже прекратит!

— Я Хэрри.

— Я слышала.

— А ты должна сказать...

— Ты и так знаешь мое имя.

— Все равно скажи. — Я сердито смотрю на него, и Хэрри поднимает руки в примиряющем жесте. — Ладно, понял, ты неразговорчивая.

Класс! Я отворачиваюсь к окну. Женщина выжимает газ. Мы сильно торопимся.

Видимо, эта Ари много для нее значит.

— На самом деле я хороший парень, — сообщает Хэйдан, или как там его, и я не сдерживаюсь и издаю громкий стон отчаяния.

— Да брось, Дельфия. Я не укушу! — Он оборачивается через плечо и усмехается: — Я добрый брат, серьезно. Ты не видела злого брата, *моего* брата, вот он действительно тебе не понравится. Сразу говорю, приготовься.

— К чему?

— К тому, что он немного...

— ...спятил, — продолжает за Хэрри женщина и постукивает пальцами по рулю.

— И это мягко сказано.

— И почему же?

— Из-за Ари. Она вроде как ему нравится. Но она сделала нечто... нечто плохое.

Ого, замечательно! Племянница, подруга, любовь всей жизни... Теперь хотя бы ясно, почему вокруг нее носятся все эти люди. Что же с ней? Что в ней поломано? Признаюсь, я даже чувствую некий интерес. Если бы все было просто, эти двое не поехали бы за мной в такую даль. Не искали бы подходящую ведьму так долго. Видимо, здесь что-то особенное.

— У тебя тоже есть татуировка? — интересуется Хэйдан, и я машинально прикрываю тату волосами.

— Оно у в-всех есть.

— И в чем твое проклятье?

Скептически смотрю на парня и наклоняю по-птичьему голову.

— Откуда ты так много знаешь о моем мире?

— Провел несколько недель в компании опасных ведьм, — отвечает за него женщина.

— Не просто опасных! — восклицает он. — Но еще и неугодных. Даже в тех случаях, когда неприятности нам не светили, мы все равно с ними сталкивались! И вряд ли тут дело в невезении или Судьбе.

— Мойра любит шутить.

— Значит, у нее проблемы с чувством юмора.

Он прав. Если Мойра и хотела создать беззащитное озлобленное создание, то назвала его моими именем и фамилией: Дельфия Этел.

В какой-то момент Хэйдан перелезает на заднее сиденье и усаживается рядом, чтобы издеваться надо мной на более близком расстоянии. Я с отчаянием выдыхаю, а он достает из кармана телефон и начинает листать фотографии... Господи, с ним что-то не так. И я не про зализанную челку и странные очки — что-то не так в его извилинах. Хэйдан сближается слишком просто. Люди не заслуживают того, чтобы им верили и в них верили.

— Это тетушки Ари, точнее, не совсем они, — сообщает он, скользя пальцем по экрану, и я недоверчиво морщусь. Серьезно? Как-то совсем молодо выглядят девушки на фото. — Долгая история, в которой фигурирует пиво.

Хэйдан продолжает листать фотографии, рассказывая какую-то несурязицу. Кинотеатр и парк, скамейка, гамак. Не понимаю, почему он это делает и зачем. Я смотрю не на снимки, а на него. Пытаюсь отыскать в этой голове хотя бы толику здравого смысла.

— А вот здесь Ари еще не отдала свою душу.

— Душу?

Парень отрывает взгляд от телефона и смотрит на меня растерянно, словно проболтался, сказал лишнее. Я хмурюсь, а он пожимает плечами:

— Она вроде как заключила сделку.

— С Хозяином? — ошеломленно спрашиваю я и отодвигаюсь дальше. — Это же...

— Она сделала *это*, — с нажимом проговаривает парень, — чтобы спасти мне жизнь. Я умер, Дельфия, но теперь я жив. И только потому, что она идиотка.

Верно, идиотка. Пойти на сделку с Дьяволом! О чем она вообще думала? Ари любит своих друзей, конкретно этого человека, вот и пожертвовала собой.

Интересно.

— И как там? — еле слышно спрашиваю я.

— Там?

— За г-гранью.

Минуту погода Хэйдан отвечает:

— Сначала тебя привлекает свет. Ты думаешь, *чувствуешь*, что вскоре окажешься в самом приятном сердцу месте, а затем... темнота. Я не хотел бы туда вернуться.

Вновь смотрю на фотографию на дисплее. Хэрри сказал, здесь у Ари еще есть душа. Внимательно изучаю ее рыжие волосы, невероятно зеленые глаза. Она красивая. Слишком красивая.

— В этот день мы сидели на заднем дворе, Ари и Мэтт, как всегда, ссорились. Я пошел на кухню за едой, потому что прекрасно понимал, что им надо поговорить наедине. Ждал, когда они уже прекратят перепалку. Впрочем, они говорили тихо, будто знали, что я подслушиваю. Когда они все-таки помирились, Мэтт приобнял ее, вот, видно? Я не мастер фото. — Хэйдан показывает пальцем на парня, который сидит рядом с Ари, его лицо и правда видно не очень. Но вот Ариадна четкая, яркая. — Сфотографировал, пока у них не возникло желания проверить, чего я так долго за сэндвичами хожу. Хотя, знаешь, я почти уверен, что во времени они тогда потерялись.

Хэйдан протяжно выдыхает, выключает телефон, а я морщусь. Он говорит о них так, будто они несчастные влюбленные и он потерял их обоих, не только Ари.

— Мы в тот день чокались сэндвичами, представляешь?

— Нет.

— Это весело. Правда, мамины сэндвичи не очень вкусные, после них единицы себя в целостности и сохранности чувствуют. Но мы все выжили. Хороший был день, несмотря на то что до этого лило как из ведра.

Парень мечтательно улыбается, а я с интересом изучаю его. Впервые я вижу нечто странное в глазах человека — любовь к другим людям. Это ошеломляет. Мама не может меня не любить. Наверное. В смысле, может, конечно. Но вполне объяснимо ее ласковое и трепетное отношение к дочери.

Любовь же этого парня к какой-то девушке необычна: она не касается взаимоотношений, не держится на физическом при-тяжении.

«Родственные души», — вдруг думаю я и сама поражаюсь своим мыслям.

Следующие несколько часов мы едем в молчании. Наверное, парень сказал все, на что у него хватило смелости и сил. Он не пересаживается вперед. Сидит по центру, а я так и прижимаюсь к дверце, до сих пор ощущая себя лишней, не в своей тарелке.

Глупо отдавать душу Дьяволу, очень глупо. Неужели это то, что я должна починить?

Безумие. Неожиданно взаимосвязь этой девушки с Хозяином кажется мне опасной, я определенно нарываюсь на огромные неприятности. Друзья врагов тоже враги. Если я попытаюсь исцелить эту девушку, возможно, навлеку беды на себя.

Почти через сутки я вижу впереди столб черного густого дыма. Что происходит?

Женщина за рулем напрягается, а Хэйдан бледнеет. Я недоуменно оглядываюсь и замечаю искореженную, ржавую вывеску — «Астерия».

— Вот мы и дома, — шепчет Мэри-Линетт Монфор, и меня пробирает дрожь.

Городок встречает меня промозглым ветром и разрушенными церквями, покрытыми трещинами и дырами. Битое стекло трещит под колесами машины. В воздухе стоит дым.

Я приехала в мертвый городок, где жители запирают на засовы двери и ставят на окна решетки. Приехала в безмолвную тишину, укрытую пушистым туманом.

Здесь случилось что-то страшное.

— Раньше Астерия выглядела иначе, — сбавив скорость, шепчет женщина, — после того как Люцифер забрал душу Ари, многое изменилось.

«Я приехала спасти монстра», — внезапно думаю я, заметив, как из разбитого окна на нас огромными глазами пялятся двое детей. Они испуганы, их напугала Ари.

— Хэрри, — зовет парня женщина и приподнимает руку, — смотри, церковь. Она...

— ...не была разрушена, когда мы уезжали, — договаривает парень и сводит брови.

Сердце Мэри-Линетт Монфор подскакивает к горлу. Бирюзовые глаза наполняются нескрываемым ужасом, и на педаль она жмет уже не так пылко, как прежде.

Все молчат. Молчание впервые убивает меня, раздирает. В нем больше ужаса, чем в вопле. Женщина тормозит напротив небольшого серого коттеджа, глушит двигатель и опускает на колени дрожащие руки. Я слышу, как громыкает ее сердце: «Бум! Бум! Бум!»

— Идем, — командует Хэйдан, — давайте, мы дома, Норин и Джейсон ждут нас.

— Да, ты прав.

Парень кивает. Выбирается из машины, следом за ним идет Мэри-Линетт. Я же сижу в салоне и осматриваю иссушенные деревья, затвердевшую землю... Мне страшно.

Я все-таки нерешительно открываю дверь. Вдыхаю странный тяжелый запах и сразу же поджимаю губы: мне трудно дышать, но отнюдь не от дыма или гари. Людские эмоции и на въезде встретили меня холодно. Тут дело в терзаниях, что рвутся из окон особняка. Я уже чувствую, что, преодолев порог этого дома, я окунусь в океан агонии. В этом месте произошло нечто ужасное, и совсем недавно.

Я бреду за Хэйданом. Он приближается к дому, отворяет калитку и ждет, пока Мэри-Линетт Монфор достанет ключи. Затем он оборачивается и дергает уголками губ, как бы провозглашая: «Добро пожаловать в наш личный ад, Дельфия Этел!»

— Я найду Норин и Джейсона, — сообщает женщина, зайдя в дом.

— А я Мэтта.

— Договорились.

Они кивают друг другу и расходятся. Парень зовет меня за собой на второй этаж. Не хочу идти, там очень больно. Он глядит на меня недоуменно и растерянно, а я вижу за его спиной

черную прозрачную пелену, пройдя через которую попадешь во мрак.

— Давай же, пойдем, я хочу познакомить тебя с братом.

Раз ступенька, два и три. Я поднимаюсь, крепко ухватившись за перила. Надо бежать отсюда сломя голову! А я плетусь вперед. *Четыре. Пять, шесть. Семь. Восемь.*

Мы оказываемся на втором этаже, идем в чью-то спальню. Хэйдан говорит, говорит, а я не слушаю. Изучаю черно-белые снимки, вдыхаю травяной запах. Я очутилась именно в том месте, где живут ведьмы. Злые ведьмы.

— Наш Джейсон, кстати, оборотень. Потом и его тебе представлю. Хорошо? — Парень толкает рукой дверь, но смотрит на меня. — Хорошо?

Киваю. Пусть делает что хочет, а я должна втянуть воздух, иначе задохнусь, иначе...

Застываю, увидев за его спиной девушку — Ариадну. О боже! Она лежит на кровати и медленно дышит. Глаза закрыты. Огненные волосы свисают вниз и касаются черного деревянного пола. Она невероятно красивая, снимки — нелепость. Они и вполонину не передали того, что есть в жизни. Смертельно прекрасная.

— Мэтт! — восклицает Хэрри, и я оборачиваюсь.

К нам подходит высокий парень с уродливыми царапинами на пол-лица, они тянутся по щеке и подбородку, скользят по шее, словно след чьих-то толстых когтей.

Я распахиваю глаза, а он проходит мимо меня, словно я призрак.

— Черт возьми, что с тобой? — испуганно требует ответа Хэйдан, сорвавшись с места. — Я с тобой разговариваю, Мэтт, что случилось? У тебя на лице...

— Царапины. Это ее мы искали?

Парень едва заметно кивает в мою сторону, а затем садится рядом с Ари и ласковым движением накрывает ее плечи пледом. Возможно, раньше этот парень тоже был красивым. Но теперь я не вижу брата Хэйдана... Я вижу шрамы, которые остались у него внутри, под кожей, полоснули сердце.

— Это Дельфия, — не своим голосом шепчет Хэйдан.

— Кое-что случилось.

— Что именно?

Ответа нет... Темноволосый парень трепетно проходится тонкими пальцами по щеке девушки, заправляет рыжий локон ей за ухо.

— Мэтт, что произошло? Почему Ари здесь, что с ней? Она без сознания?

— Она спит, — шепчет старший брат Хэйдана, а затем по дому проносится такой жуткий вопль, что ноги у меня подкашиваются, а в глазах темнеет. Я ничего не успеваю понять, закрываю ладонями уши и скатываюсь по стене, ощущая дикую боль.

Такой крик означает лишь смерть.

Часть вторая
МЭТТЮ ХОРТОН

Глава 1
МИНУС ОДИН
Сорок один день назад

Я захопываю дверь и быстро иду. Рядом со мной оказывается тип в древнем пальто, кажется, Джейсон. Я плохо его знаю и потому не могу пока ему доверять.

— Вот он, — говорит Мэри-Линетт, взмахнув рукой, — вот же он, эй, быстрее.

В горле застревает колючая дрянь, я пытаюсь сглотнуть ее, но у меня не выходит. Сердце грохочет в ушах. Перед глазами все плывет, и я вижу только бледное лицо брата, который стоит на дороге около главного входа в морт. Он растерян и ничего не понимает.

— Хэрри, — выдыхаю я, оказавшись рядом. Не верю. Черт возьми! — Хэрри! — Сколько бы раз ни повторил его имя, в голове не укладывается, что брат жив. Дьявол, он воскрес! Я его вижу, вижу его тупые очки и доставучую физиономию. Вижу покатые плечи. Впервые я хочу снова и снова слушать его идиотские шутки! Хочу бегать за ним по городку и хочу вылавливать его, доказывать, что он сходит с ума, ведет себя по-детски. Хочу даже просто сидеть рядом.

Я притягиваю брата к себе. Я никогда не обнимал его.

— Привет!

Хэйдан не отвечает. Стоит, будто оцепенел, и не двигается. Когда я отстраняюсь, он все еще недоуменно смотрит в пустоту. Я перевожу взгляд в сторону сестер Монфор, но они лишь пожимают плечами.

— Эй, — я смотрю на брата, — Хэрри, ты как?

Он опускает глаза на свои бледные руки и растерянно изучает их, будто видит впервые.

— Он придет в себя, не волнуйся, — обещает Мэри-Линетт Монфор.

Ее сестра Норин не произнесла ни звука с тех пор, как Ари ушла с Люцифером. *Ари!* Что-то щелкает в голове, когда я о ней вспоминаю. Вспоминаю, как она берет Люцифера за руку и уходит в гремучую чащу леса...

— Как мы поможем Ариадне, каков план? — тут же спрашиваю я.

— Мы разберемся.

— Вы? Я с вами.

— Нет, — Мэри-Линетт качает головой, — так не пойдет.

— Пойдет, — ледяным тоном отрезаю я и замечаю, как у Джейсона приподнимаются уголки губ. Он достает из пальто сигареты, закуривает и усмехается, возможно, надеясь, что никто не обратит на это внимание. Но я обращаю. — Что?

Он переводит на меня удивленный взгляд.

— Извини?

— Я сказал что-то смешное?

— Нет, ты сказал именно то, чего все от тебя ждали.

— Я не спрашиваю разрешения, я должен помочь Ари. Но как?

— Никак, — неожиданно хрипло сообщает Норин Монфор, и это ее первые слова с тех самых пор, как мы вышли из леса. Женщина бледнее снега, она придвигается к нам, но складывает на груди руки, будто защищаясь. — Сейчас мы никак ей не поможем.

— Почему?

— Потому что не найдем.

Повисает тишина. Интересно, они считают, что молчание принесет ответы? Смотрю на них, не скрывая раздражения. Нам нужен план! Мы не сдвинемся с мертвой точки, если будем поддаваться эмоциям. Сейчас тот момент, когда нужно мыслить холодно.

— Она сама объявится, — докурив сигарету, говорит Джейсон и бросает ее на асфальт. Легкая дымка тянется вверх, но он припечатывает окурочек подошвой ботинка. — Мы не должны искать Ари, мы должны быть готовы, когда она вернется.

— И когда она вернется?

— Отдав душу, она не избавилась от всех эмоций, — нахмутив лоб, говорит Мэри-Линетт. — Люцифер попытается обучить ее, заставит объединить чувства.

— Что значит объединить чувства? Вы же говорили, что без души человек абсолютно неуправляем, что он ничего не ощущает.

— Не так-то просто потушить костер, остаются искры. Ари направит все оставшиеся, последние эмоции на нечто одно, а затем избавится от них, но для этого нужно время.

— Еще нужно, чтобы время подходило Люциферу, — добавляет Норин Монфор, — да, Люцифер сделает из Ариадны чудовище, не сомневайся, мальчик. Ты уверен, что хочешь быть этому свидетелем?

— Ари не чудовище. Вы всегда ее недооценивали. Она упрямая.

— Ты даже не представляешь, что с людьми делает Дьявол... — Женщина делает шаг ко мне, но я не отступаю. Я ее не боюсь. — Ему не нужно превращать ее в монстра, она сама станет им.

— Посмотрим.

Я поддерживаю Хэрри за плечи и отворачиваюсь. Каким образом они собираются ей помочь, если не верят в то, что это возможно? Ари умеет быть занозой в заднице. Скоро даже Дьявол поймет, как сложно управлять ею и как трудно ее приручить.

— Я должен отвезти брата домой. — Смотрю сначала на Хэрри, потом на Монфор. — Я уже понял, что вы не собираетесь вводить меня в курс дела. Но учтите, что я должен...

— Пожалуй, согласиться с тобой проще, чем спорить, — перебивает меня Джейсон и кивает, будто решает и за Норин, и за Мэри-Линетт. На удивление с ним никто не спорит. — Я лично скажу, если что-то узнаю. А теперь уведи брата, вид у него болезненный.

Конечно, он ведь восстал из мертвых... Но я молчу. Тру пальцами подбородок и в очередной раз окидываю Джейсона скептическим взглядом. С какой стати ему верить? Я понятия не

имею, почему люди так легко берутся кому-то доверять. Но не мне судить. Ари возникла в Астерии неожиданно. Еще неожиданнее она стала частью моей жизни.

— Идем, Хэрри, пора домой.

Его босые ноги шлепают по асфальту, словно к ним привязаны гири. На плечах висит тонкий халат. Думаю, нам повезло. Наверняка Ари все подстроила, ведь она всегда была ненормальной и, скорее всего, пожертвовала собой с определенной целью. Хэйдан восстал из мертвых. А в больнице никто и глазом не моргнул! Он идет со мной рядом! Мы сидели в морге, отец молчал, а на стене, издеваясь, стучала секундная стрелка. Но теперь это вымысел, теперь Хэрри живой.

Наплевать, что почти на каждом шагу он спотыкается. Наплевать, что он молчит, не отвечает на вопросы. Я засну сегодня ночью, потому что буду знать, что где-то рядом он слюнявит подушку.

Я открываю Хэйдану дверцу машины, он садится. Мы едем молча. Я смотрю на Хэрри, он смотрит в окно. Да и что тут скажешь?

В какой-то момент я вспоминаю лицо светловолосого мужчины, что увел Ариадну в глубину леса, вспоминаю его красные глаза. Я никак не могу осознать, что видел Дьявола. Ужас внушает даже осознание того, что Ари не вспомнила обо мне, она ушла вслед за монстром, от которого так отчаянно скрывалась.

Кидаю косой взгляд на брата. Он не шевелится. Сидит, сложив ладони на коленях.

— Давно ты не был таким тихим. — Хэрри не отвечает. — Посмотрим, сколько ты протянешь без шуток. Уверен, уже с первыми утренними лучами ты придешь в себя и захочешь выговориться. Но давай условимся — по шутке за день, иначе я сойду с ума.

Брат не смотрит в мою сторону, даже бровью не поводит, и я отворачиваюсь, ощутив себя чертовски расстроенным. Ладно, выберемся! Главное — держать все под контролем.

Мы приезжаем домой, брат не выходит из машины, пока я не открываю ему дверь и не вытаскиваю из салона за руку, как трехлетнего ребенка. Ведет он себя странно, хотя... он

ведь умер. Кто знает, что он видел? Может, молчание — самая безобидная реакция.

— Придется с родителями поговорить, ты помолчи, а я что-нибудь придумаю.

И что я придумаю? Что можно придумать в такой ситуации? Они утром похоронили сына, а сейчас он здоровый и невредимый — почти — стоит на пороге.

Я распахиваю входную дверь и невольно замираю.

— Что за...

В коридоре пахнет выпечкой. Какой-то отравой, если честно. Но что могло заставить Долорес взяться за готовку, если утром она обнаружила тело мертвого сына в постели?

— Мэтт, это вы?

Я прочищаю горло, понятия не имея, что ответить.

— Мэтт, дуйте на кухню!

О чем это она?

— Только руки помойте — и живо сюда.

Помойте руки? Она серьезно? Мысли в моей голове складываются в разнообразные пазлы, и я вдруг вспоминаю, что и врачи в морге не всполошились, узнав, что у них минус один труп. Означает ли это, что Ари как-то повлияла на ход истории? Вдруг люди вокруг нас не в курсе, что Хэрри вообще когда-либо умирал?

— Господи, ну я же с вами разговариваю! — возмущается Долорес, появляясь в коридоре, но замирает, сжав в пальцах грязное полотенце. Она растерянно глядит на меня, потом на Хэйдана, и я жду, что она сейчас взревет не своим голосом, накинется на сына, но ничего подобного не происходит. Долорес хмурит брови и возмущенно говорит: — И что это с ним? Хэрри, ты на кого похож? Что за халат? И почему босой?

Халат? Босой? Черт возьми, она действительно ничего не помнит!

Уму непостижимо.

— Он...

— Что?

— Честно говоря... — Я запинаюсь, заметив, как глаза у Долорес наполняются ужасом, и откашливаюсь. Уже собираюсь продолжить, но она меня опережает:

— Он принимает наркотики?
Отличный вывод. Я закатываю глаза, а Долорес восклицает:
— Не надо тут мне глаза закатывать! Хэрри, господи, ты с ума сошел?

Хэрри мычит что-то несурзное, а я раздраженно отрезаю:

— Он не сошел с ума.

— Серьезно? Бог ты мой, он даже говорить не может! — Она подсакивает к нам, а я отступаю назад, защищая брата от ее притких пальцев. — Что ты делаешь?

Действительно, что я делаю? Хэйдан наваливается на меня всем телом, и, абсолютно сбитый с толку, я вдруг говорю:

— Мы были на вечеринке.

Долорес замирает, нахмутив вспотевший лоб.

— И как это должно меня успокоить?

— Он в порядке. Просто выпил лишнего.

— От него не пахнет спиртным, Мэттью.

— Он и не выпивал, это же Хэрри. — Мозги работают быстрее, чем я успеваю что-либо понять. И я несу первое, что приходит на ум, и при этом пытаюсь еще и серьезно выглядеть: — Ему что-то в сок подсыпали, он не знал. Отключился моментально.

— А ты где был?

— Ну а как ты думаешь? Я был с Джил, конечно.

Джил — мой козырь. Хэйдан говорит про Ари, я говорю про Джил, и родители думают, что в жизни у нас все замечательно и волноваться нет повода.

Долорес измученно вздыхает, как вздыхают только женщины, у которых есть дети, и машет полотенцем.

— Послушай, это хорошо, что вы вместе куда-то выбрались. Но ты ведь знаешь, как у Хэрри трудно получается сходиться с людьми. Мог бы побыть с ним, поддержать.

— Я отвлекся на минуту.

Так и есть. Всего минута, а он уже вскочил с пола и кинулся к Ариадне, сжал ее руку и не выпускал до тех пор, пока Дьявол не покинул коттедж Монфор-л'Амори. Ну а что со мной случилось в тот момент? Почему я сидел на месте, а он кинулся вперед?

Одна минута, одно мгновение — и все изменилось.

— Что ему подсыпали? Давай я...

— Нет, — возражаю я, — слушай, все в порядке. Честно! Я отведу его в комнату, к утру он оклемается, серьезно. Ничего смертельного.

— Мэтт, мне совсем не нравится, что вы пропадаете где-то так часто.

— А разве не этого вы с отцом добивались?

— Ну что ты слова переворачиваешь, — Долорес потирает пальцами лоб, — я рада, что вы так сдружились, но никто не говорил о ночных вылазках, вечеринках и...

— У Хэрри друзей не прибавится, если он будет сидеть в четырех стенах. К тому же я на той вечеринке оставил его с Ари. Ей, кстати, тоже нехорошо стало.

— И этой милой девочке?

Кажется, я выиграл, и у Долорес на уме теперь не только босые ноги Хэйдана.

— Какие же сейчас жестокие подростки! Издеваются над новенькой! Подумаешь, она Монфор. И что дальше, верно? Ох, отведи его в спальню, а потом спускайся на кухню.

— Я не голоден.

— Мэтт!

— Все в порядке, — говорю я.

Долорес говорит что-то еще, но я не слушаю. Поднимаюсь по лестнице и думаю о том, что делать завтра, как спасти Ари, как возвращать к жизни брата? Идеи совсем нет, а они как никогда нужны в этом водовороте закрутившегося безумия.

Прихожу в спальню Хэрри. Помогаю ему сесть на край кровати и грузно выдыхаю.

— Я никуда от тебя не денусь. Можешь молчать, если это нужно. — Брат сглатывает, и я замечаю, как дергается его кадык. — Я рядом.

Прохожусь пальцами по его прилизанным волосам и медленно выхожу из комнаты. Дверь до конца не закрываю, оставляю щель.

Итак, Хэрри дома. Осталось вернуть домой Ари.

Глава 2

РИТУАЛ

Я просыпаюсь рано утром и первым делом проверяю Хэрри. Тот все еще спит. В его комнате горит свет. Наверное, он включил его ночью. Нажимаю на выключатель и ухожу.

Еще так рано, что солнце не до конца выглянуло из-за горизонта. Я вдруг понимаю, что хочу выбраться из дома, мозги проветрить. Я должен что-то придумать.

Уже на улице я почему-то задумываюсь над тем, что никогда раньше не бродил по Астерии в такую рань. Сейчас часов пять или шесть... Я вдруг осознаю, что мне хочется посоветоваться с кем-то, выговориться. Но кого я мог бы набрать?

Хэрри мне помочь не сможет. С Ари связаться не получится. Так, может, Джил? Мы знакомы с ней много лет. Она была рядом, когда все остальные отвернулись, когда боль казалась невыносимой. Но Джиллианна залечила раны.

Я хочу набрать ее номер, но палец отказывается нажимать на вызов. Что я ей скажу? Как она мне поможет? Мы с Джил давно стали чужими, причем по моей вине и по вине Ариадны Монфор, о которой теперь все мои мысли.

— Черт, — убираю телефон в карман и тру ладонями лицо. — Что же мне делать...

Поговорить мне не с кем. Просить помощи не у кого. Выходит, я должен сам понять, что делать. Но с чего начать? Ари ушла не просто так. Люцифер решил спрятать ее, но по какой причине? Почему сразу не пустить оружие в бой? Почему сразу не воспользоваться ее способностями? Наверняка сейчас Ариадна уязвима, а это значит, что именно сейчас я должен ее найти. Но где искать?

Я останавливаюсь посреди улицы, оглядываюсь и хмурю брови, пытаюсь вспомнить, что со мной произошло за этот треклятый месяц. Я едва унес ноги в лесу от пугающего монстра, застрелил из лука Каролину Саттор, видел, как Ари умирает от сил Дьявола — неоднократно. А еще от рук людей, если их так можно назвать. Меган фон Страттен едва не сожгла в нашей школе всех учеников, а одна из ее припешниц прокаталась лезвием по моему животу, после чего я едва не умер. Еще мы ужинали с Люцифером. Собственно, ужин был в стиле Монфор — кровавый и скудный. Мы думали, как бы остаться в живых, а не о закуске. И в итоге что я имею? Джейсон и тетушки Ари не хотят сейчас меня втягивать — сказал бы я им, что я на этот счет думаю. Но кто тогда даст мне ответы?

Кто знаком со сверхъестественным миром и кто заинтересован в спасении Ари?

Зажимаю пальцами переносицу, ломая голову, и неожиданно ощущаю прилив сил.

Меня покачивает. Ветер бьет в лицо, заставляя поднять подбородок.

— Вот черт, — я вскидываю брови, — Ноа Морт!

Понятия не имею, как мысли о нем появляются в моей голове! Головокружение, как и тепло, как и ощущение, словно чьи-то руки несколько секунд назад крепко сжимали мои плечи, отрезвляет голову.

Как же я раньше не додумался? Ариадна жива только благодаря ему. Он спас ее, он контролирует всех нас, ведь как бы сильно Дьявол ни старался, стоит только Ноа МОРТУ щелкнуть пальцами, и мы восстанем из пепла, как чертовы фениксы. Он на вершине этой пищевой цепи. Вот кто мне нужен, вот кто сможет помочь, а главное, и сам захочет спасти Ариадну, ведь она не только рыжая заноза в заднице, но еще и его дочь!

Я киваю сам себе — *вновь* — и задумываюсь, как найти Смерть и при этом остаться в живых. Ари говорила, что ездила в Дилос, что там расположено здание, в котором сидят в обособленных кабинетах представители высшей касты сверхъестественных тварей.

Ведьмы нервно стоят в сторонке, как и оборотни, и перевертыши.

В Дилосе восседают те, кто управляет нашей жизнью: Смерть, Судьба, Удача, Карма и, я уверен, огромное количество тех, о ком ни Ари, ни нам неизвестно.

Но как туда пройти обычному смертному? Такое вообще возможно?

Я чешу затылок и достаю телефон. Мне нужно с кем-то посоветоваться, и если не с сестрами Монфор или Джейсоном, то с кем-то похожим на меня — с обычным человеком.

Проходит буквально несколько секунд, а на противоположном конце провода уже не своим голосом отрезает женский голос:

— Мэттью?

— Да! — Я никогда не дружил с Бетани Пэмроу, мы даже не общались. Я был уверен, что на уме у Бетти только команда поддержки, и мне казалось, нас ничто не может связать вместе, однако, оказывается, смертельная опасность — хорошее начало для крепкой дружбы или для лютой ненависти. — Знаю, я рано, но есть причины.

— Ничего страшного. Ты в порядке?

— Надо поговорить.

— Ладно, — девушка озадаченно замолкает, — скажи, я подойду или...

— Я сам приду. Ты ведь не против? — Не дожидаясь, пока Бетани согласится, трогаюсь с места. — Пришли мне адрес сообщением.

Бетани Пэмроу живет в коттедже с квадратными окнами, на которых висят кованые решетки. Похоже на тюрьму, но я и не сомневался, что шериф Пэмроу превратит свой дом в камеру для заключенных. Я решительно иду к двери, не думая о том, что могу разбудить родителей Бет. Мне глубоко наплевать на реакцию шерифа. Я только надеюсь, что смогу сдержаться и не разобью ему морду, если вдруг его увижу.

Нажимаю на стертый звонок. Бетани открывает почти сразу же. Она собирается что-то сказать, но я опережаю ее, бесцеремонно ворвавшись внутрь.

— Нужна помощь.

Девушка закрывает дверь и разглядывает меня.

— Ты выглядишь... странно.

— Почему странно?

— Ну, честно говоря, я думала, ты закрылся в комнате и не хочешь никого видеть, но вот ты здесь и выглядишь вполне бодро, будто не идешь на похороны.

Похороны? Недоуменно скидываю брови.

— Я, кстати, не пойду. Знаю, это неправильно, но ничего не могу с собой поделать!

Бетани виновато всплескивает руками, а до меня внезапно доходит, что заклинание Дьявола подействовало не на всех жителей Астерии.

Выходит, Бетани не знает, что Хэйдан воскрес, то есть о смерти Хэйдана забыли все, кто не был причастен к сверхъестественным событиям! Бетани же все знала, поэтому и не в курсе того, что случилось ночью, не в курсе, что Ари продала душу.

— Хэйдан жив, Бетани. Похороны отменяются.

— Что?

Голос девушки взмывает сразу на несколько октав.

— Ты не разбудишь родителей?

— Они уехали.

— Значит, разбудишь соседей.

— Мне глубоко наплевать на них, — фыркает девушка и бросается ко мне. И не скажешь, что когда-то она казалась мне пустоголовой идиоткой. — Ты шутишь? Мэтт, я понимаю, это трудно, но Хэрри умер. Он же...

— Ариадна спасла его, продала душу Дьяволу, — я бросаю эту информацию невзначай, будто в ней нет ничего интересного, ценного или удивительного. Просто говорю, словно у меня не горчит во рту, когда я вспоминаю отрешенный взгляд Ари. Словно внутренности не сжимаются, когда я вспоминаю, как она повернулась ко мне спиной и ушла.

— Что она сделала?

Я поднимаюсь на второй этаж, а Бет семенит за мной, то и дело всплескивая руками.

- Нужно найти отца Ари.
- Зачем? Черт, Мэтт, остановись на секунду!
- Нет времени.
- Она сдалась? Она все-таки согласилась на сделку? — не унимается Пэмроу. — Но это же значит, что теперь Ари стала плохой, что теперь она...

Бет замолкает, а я останавливаюсь и смотрю на нее через плечо, прекрасно понимая, что она имеет в виду. Дар у Ари слишком опасный, да и сама она слишком эмоциональна. Она всегда сначала совершала поступки и только потом думала о последствиях.

- Надо вернуть ее.
- Поэтому я здесь.
- А что с Хэрри? Где он?
- Он, — пожимаю плечами, — ему нужно время.

Девушка кивает и проводит меня к себе в комнату. Я настолько поглощен мыслями о спасении Ариадны, о ведьмах и прочей чуши, что даже не могу смотреть по сторонам: мне глубоко наплевать на цвет обоев в комнате Пэмроу, есть ли у нее книжные шкафы или компакт-диски. Я ничего не вижу. Усаживаюсь на стул и сплетаю пальцы в замок.

— Что ты планируешь делать, Мэтт? Ты уже разговаривал с тетями Ари?

- Да, и они посоветовали мне не вмешиваться.
- Ну а ты, конечно, решил иначе. — Я поднимаю взгляд, а черноволосая девушка едва заметно улыбается. — Ты смелый, раз решил, что сумеешь побороть Дьявола.

- Смелый?
- Или глупый.
- Ари спасла Хэрри, она идиотка, но она это сделала. У меня нет выбора, я должен ей помочь.

- И дело, конечно, только в этом.
- Мы тратим время, Бет. Разговариваем о том, что не имеет никакого значения. Какая разница, какие у меня мотивы или цели? Я хочу вернуть ее, это единственное, что важно.

Девушка кивает.

- И что ты собираешься делать?

— Хочу найти Ноа Морта и выяснить у него, как вернуть Ариадну обратно.

— Ты хочешь встретиться со Смертью?

— Да.

Несколько невероятно долгих секунд девушка молчит и смотрит на меня, будто бы я больной, сбежавший из дурдома. Однако затем она отмирает и небрежно бросает:

— Вот это план. Скинемся из окна или перережем вены?

— Я предпочитаю нечто не настолько кардинальное.

— Таблетки?

— Бетани, я серьезно.

— Я тоже. Ты хоть представляешь, как по-идиотски это звучит?

— Не думаю, что у нас есть иной выход. Все, что сейчас происходит, не поддается и не будет поддаваться логическому объяснению. Мы уже не в нашем мире, Бет.

— Резать вены я не собираюсь, — говорит девушка и подсаживается к ноутбуку, — мы, может, и имеет дело со сверхъестественными проблемами, но кто сказал, что люди и раньше не сталкивались с подобной чертовщиной? Неужели мы с тобой первые смертные, посягнувшие на территорию нечисти?

— Что ты имеешь в виду?

— Если кто-то до нас попадал в подобную ситуацию, он непременно поведал об этом миру. Тебе так не кажется? — Бетани включает ноутбук и открывает браузер.

В ту же самую секунду я закатываю глаза.

— Бет!

— Что?

— Искать в интернете? Seriously?

— Ну а что ты предлагаешь? — бросает девушка. — Мы обычные люди и справляться с проблемами, даже потусторонними, нам придется обычным способом.

Бетти сошла с ума. Одержимо печатает что-то, щелкает пальцами по компьютерной мышке и кусает губы, наверняка читая абсолютную нелепицу. Я даже смотреть не хочу, о чем там люди пишут, и я почти уверен: большинство неуравнове-

шенных психов начинает свой путь именно с блогов о Дьяволе и сатанизме.

— Вот, слушай, нужно нарисовать круг и...

— Дальше.

— Дослушай!

— Зачем? — занудно интересуюсь я, запустив пальцы в волосы. — Это чушь, Бетани.

— Прекрати. Ты же сам хотел выйти из зоны комфорта, верно?

— Но я не это имел в виду.

— Замолчи и запоминай. Нам нужны свечи, нитка и нож.

— Все-таки вернемся к первоначальному варианту и перережем себе вены, а?

Бетани бросает на меня недовольный взгляд и вскакивает со стула.

— Ты сам ко мне пришел за помощью, так что заткнись и найди в столе нитки.

— Но я не...

— Ты хочешь вернуть Ари или нет? — Бет смотрит пронзительным взглядом, и я громко вздыхаю, стиснув пальцы так сильно, что сводит ладони. Пэмроу издевается. Хуже, чем просто сидеть и ничего не делать, сидеть и вырисовывать магические круги на полу.

Но правда в том, что я на многое готов, лишь бы Ариадна внезапно оказалась рядом и сказала, что все неприятности позади. Я хочу вновь ее увидеть. Хочу испытать то, что со мной происходит, когда она оказывается в нескольких метрах, сантиметрах, миллиметрах.

— Хорошо, — холодно соглашаюсь я, разжав кулаки.

Я нахожу нитки под слоем какой-то девчачьей дряни, к которой даже прикоснуться неприятно. Бетани приносит свечи и кухонный нож, будто мы собираемся разрезать торт. А Люцифер задует свечи и загадает желание.

— На сайте написано, что мы должны сделать два узла: в начале нити и в конце. — Бет с видом знатока отнимает у меня красную нитку и плюхается на пол, я нехотя усаживаюсь рядом. Скептически осматриваю комнату, задернутые занавес-

ки, толстые ароматические свечи и прикрываю глаза. Мы сошли с ума. — Нужно привязать конец к рукояти ножа. Кажется, правый. — Она смотрит в ноутбук и кивает. — Да, верно. Зажги пока свечи.

Бет бросает мне зажигалку.

— Только зажигай с запада на восток, услышал? Это очень важно, Мэтт, иначе ничего не получится и мы зря пытаемся.

— У нас и так ничего не получится, — ворчу я, зажигая фитиль, и тут же получаю удар по плечу. — Что? — Бет цокает. — Прекрати, тебе ведь не пять лет.

— Я и в ведьм раньше не верила, но, по-моему, мы оба уяснили, что в мире все совсем не так, как нам кажется. Ты ту женщину с крыльями помнишь? А помнишь ее пасть? Мир полон такого дерьма, что я уже ничему не удивлюсь, Мэтт.

Коротко киваю и разбираюсь со свечами. На стенах прыгают едва заметные желтые отблески света, сквозь занавески прорываются первые лучи. Мы сидим с Бет в центре ее небольшой спальни и наматываем красную нитку на кухонный нож, и все бы ничего, но у меня складывается впечатление, что это не Ари пропала, а мой рассудок.

Хэйдану понравилось бы то, чем мы занимаемся.

— Надо порезать палец. Поставить нож в центр и при помощи нити начертить ровный круг своей кровью. Боже, звучит жутковато.

— Давай. — Я отнимаю у девушки нож и решительно скользю лезвием по ладони.

— Осторожно!

— Все в порядке.

Впиваюсь острием ножа в пол и рисую круг, проведя по дереву рукой. Все это время Бетани испуганно смотрит на меня, и мне почему-то кажется, что ей уже самой не нравится эта идея с вызовом Смерти на дом. Вдруг и правда придет?

— Готово. — Отбрасываю нож и вытираю ладони о джинсы. — Что дальше?

— А дальше...

Бет щелкает по клавиатуре, а затем рассерженно фыркает.

— Что такое?

- Интернет пропал! Прости. Надо чуть-чуть подождать.
- Ты шутишь? — Я сжимаю окровавленную ладонь. — Во-
время.
- Не знаю, соединения нет.
- Ну отлично.
- Слушай, давай чуть попозже еще поищем, рано опускать
руки.
- И что мы найдем? — злюсь я. — Начертим еще один круг
или смастерим алтарь? Или же принесем кого-то в жертву?
- Вы можете попробовать латынь, — внезапно разносится
хриплый мужской голос, и мы с Бетани одновременно вскаки-
ваем.
- Бет взвизгивает, прижимается ко мне, а я ошарашенно рас-
пахиваю глаза.
- В углу комнаты стоит мужчина в дырявом плаще. Волосы
у него растрепаны, глаза почти черные. Я приподнимаю руки,
понятия не имея, кого ждать: маньяка, ворвавшегося в дом,
или же демона, перевертыша, Дьявола, ведьмака, фею. Кто там
еще у них есть?
- Еще есть оборотни, — говорит мужчина, и я ошеломлен-
но переспрашиваю:
- Что?
- Незнакомец наклоняет голову, а я чувствую, как Бетти изо
всех сил стискивает мой локоть. Что за чертовщина? Неужели
сработало?
- Нет, — отвечает мужчина, — не сработало.
- Но вы...
- Ноа Морт.
- Смерть! — Я решительно стискиваю зубы, а Смерть не
сводит с меня темных глаз, изучая и сканируя, словно детек-
тор. Мне становится не по себе, но я беру себя в руки. Я не
должен его бояться, он пришел сюда из-за Ари, из-за своей
дочери.
- Так и есть. Твое время еще не пришло.
- Умете читать мысли? Вы как Меган фон Страттен.
- Скорее она как я. — Смерть делает шаг вперед, а Бет тя-
нет меня назад.

Но я не схожу с места.

— Как... — я запинаюсь и сглатываю, — как вы узнали, что мы ищем вас?

— Услышал.

— Почему не пришли раньше?

— Был занят.

— Почему вы не спасли Ари? И почему не убили Люцифера?

Он позволил ему забрать ее, прекрасно понимая, что из этого выйдет. Наблюдал или, может, услышал, как она мысленно прощалась с семьей, продавая душу. И бездействовал.

Мужчина задумчиво хмыкает и опирается спиной о деревянный комод.

— Ты много думаешь, — резюмирует Смерть, — но мало говоришь. Кажется, у вас таких людей называют замкнутыми и опасными. Но я, конечно, немного в этом понимаю.

— Ответьте на мои вопросы.

— Я не могу.

— Не можете ответить?

— Не могу убить Дьявола. Вопреки всеобщему мнению, Смерть не для всех вездесуща. Насмешка Судьбы, о которой она сейчас жалеет.

— Мойра Парки?

— Люди постоянно пытаются избавиться от злодеев, — едва слышно говорит Ноа, — но они не понимают, что на место одного злодея приходит другой, и так всегда. Да, такова ваша природа, а я и Мойра обязаны соблюдать этот баланс: баланс черного и белого.

— Не понимаю.

— Ты и не должен. Это моя работа. Но я ошибся. — Смерть отходит от комода.

— Ошиблись?

— Нарушил баланс.

— Как? — Мужчина только и делает, что говорит загадками, и меня это жутко злит.

Ноа Морт останавливается перед задернутыми шторами и переводит на меня темный взгляд.

— Я не могу забрать того, у кого нет имени. Не могу отыскать его. Мойра наделила Люцифера множеством форм, воплощений. Она скрыла его от моего взора.

— Но зачем?

— Как я и сказал, чтобы сохранить баланс.

— Бессмыслица, — бросаю я.

— Люди многого не понимают. Не понимают, что добро и зло существуют благодаря друг другу. Не было бы добра, если бы люди не понимали, что существует зло.

Слова так и подсакаивают к горлу, но я стискиваю пальцы и прикусываю язык.

Не было бы добра, если бы люди не понимали, что существует зло, но зло не просто существует — оно портит жизнь, убивает и отнимает близких. Но, конечно, Ноа этого не понять. Да и что он может понять, если живет вечно? Говорит, словно это люди чего-то не понимают. Но они понимают даже слишком много: что вокруг есть предатели, психи, никому нельзя доверять, иногда даже себе.

— Вы сами выбираете, как жить.

— Да уж, сами, — отрезаю я и нервно трогаю подбородок. Смотрю на Бетани и вижу, как девушка поджимает губы. Уверен, она думает о том же, о чем и я. Мы боремся каждый день с тем злом, которое они решили оставить лишь потому, что без него, как им показалось, жить стало бы скучно. Как несправедливо.

— Именно это даровало вам смысл в жизни, Мэттью Нортона, — кивнув, говорит Ноа и подходит ко мне уверенным шагом, — борьба каждый день за свое будущее — если не ради этого, то ради чего дышать?

— Возможно, вы правы, — холодно отвечаю я.

— Возможно? — Мужчина неожиданно еле заметно улыбается и запускает пятерню в густую шевелюру. Не знаю, чем именно его позабавили мои слова. — Меня позабавило то, что ты берешься спорить со мной, — тут же отвечает он, — это интересно, учитывая, что ты в курсе, с кем разговариваешь. Не боишься?

— Боюсь.

— Значит, ты просто глупый.

— Ари нужна помощь, — сдавленно говорю ему. — Я и сам справился бы, но это же ваш мир, и я в нем...

— ...чужой, — договаривает Смерть, — рад, что ты понимаешь это.

— Так вы поможете?

Морт медленно кивает, и я чувствую, как прилив сил наполняет теплотой сердце.

— Как уже было сказано, я нарушил баланс — не должен был допустить появления бóльшего зла, но допустил. К сожалению, моя дочь опасна... Ее пребывание на темной стороне принесет много неприятностей. Так сказала Мойра, а я склонен ей верить.

— Судьба думает, что Ари причинит кому-то вред? — недоверчиво спрашивает Бетани.

— Не думает — знает.

— Но как ей помочь? — Я подаюсь вперед. — Где искать? Она в Астерии? В Дилосе?

— Не нужно искать то, что и так скоро найдется, Мэттью Нортон. Разве ты не слышал, что обычно сбываются те желания, о которых вы меньше всего думаете?

— Что нам делать?

— Искать, но не Ариадну, а способ спасти ее.

Как тонко подмечено... Я скептически смотрю на Ноа Морта и думаю, что он все-таки не Смерть, а сумасшедший прохожий, который случайно заскочил к Бетани на чай.

— И что за способ? — аккуратно интересуюсь я.

— Единственный человек, который знает ответ на мучающий тебя вопрос, сидит в кабинете рядом со мной. Но так как мы с Мойрой давно знакомы — довольно давно — и я успел стать ей почти другом, она согласилась немного упростить мне задачу. Она назвала имя, которое я могу назвать тебе.

— Имя? — недоверчиво переспрашиваю я и наблюдаю за тем, как Ноа кивает:

— Да, имя.

— Хорошо. Какое?

— Джофранка.

— *Джофранка*, — четко повторяю я и киваю: — Спасибо.

Итак, первая зацепка у нас есть.

— Спасибо? — растерянно переспрашивает Пэмроу. — Но как мы найдем человека, зная лишь его имя? А что насчет адреса? Города? Фамилии?

— Имя в состоянии рассказать о человеке гораздо больше, чем вы думаете.

— Но, может быть...

Бетани собирается сказать что-то еще, как Ноа Морт *испаряется*.

Не веря своим глазам, я прищуриваюсь, а Бетти громко охает.

— Он исчез, — кричит она, — господи, просто в воздухе растворился! Дурдом, как тут с ума не сойти, когда прямо на глазах люди испаряются?

Девушка машет руками, а я хмыкаю. Ноа Морт — не обычный человек.

Глава 3 МАНЭКИ НЭКО

Джозфранка — это имя не идет у меня из головы.

Я пытаюсь представить, чью помощь мне подкинул сам Ноа Морт, но теряюсь в догадках. Это может быть кто угодно: и обычный человек, и очередная ведьма. Надеюсь, в поисках помощника не придется переплывать океан или пересекать границу.

Мы с Бетани покидаем дом и решительным шагом направляемся в коттедж Ари.

О коттедже Монфор-л'Амори всегда ходили идиотские *страшные легенды*. Сколько себя помню, в Астерии недолюбливали сестер Монфор, а еще боялись. Я никогда слухам не верил, да и сейчас с трудом понимаю, во что ввязался. Однако теперь дом Ариадны мне напоминает эпицентр опасности, и желудок сам собой скручивается в узел.

С этим местом связаны все необъяснимые и опасные события в моей жизни. Я не хотел бы сюда возвращаться, если бы меня спросили. Но меня не спрашивают.

Уверенно поднимаюсь на крыльцо и ударяю по двери. Бетани пугливо оглядывается.

— А что, если...

— Люцифер немного занят, Бет, — сообщаю я, искоса взглянув на девушку, — ничего с нами не случится. Ты можешь выдохнуть.

— Не могу, Мэтт. И ты не можешь.

— Как видишь, я дышу нормально, — вновь стучу по двери, только сильнее и жестче, а затем недовольно стискиваю зубы. Где они там? Уснули?

— Тебе напомнить, как Дьявол заглядывал в этот коттедж на ужин?

— И что?

— И что? — Пэмроу громко фыркает, и я уже готовлюсь выслушать очередную не к месту сказанную реплику, как вдруг дверь открывается.

Я встречаюсь взглядом с Мэри-Линетт. Женщина криво улыбается, и я, черт возьми, понятия не имею почему.

— Ну здравствуй. Дай угадаю! У тебя есть план?

— Почти.

— Кто бы сомневался, не прошло и дня, а ты уже здесь. Кажется, я проиграла.

— Что проиграли?

Мэри-Линетт кивком приглашает меня войти. Я переступаю порог, но затем оглядываюсь на Бетани. Что ее так пугает? Молния два раза в одно место не бьет.

— Бет, идем!

— Я... — Пэмроу запинается и переводит на меня потерянный взгляд.

— Деточка, ты в порядке? — вмешивается Мэри-Линетт. — Ты вся бледная.

— Я просто... этот дом, мне не по себе.

— Ничего страшного.

— Ты заходишь или нет? — Я скидываю брови и жду ответа, но Бетани виновато отворачивается. Ясно. Я машу рукой. — Ладно.

— Мэтт, прости! — восклицает Пэмроу. — Я бы хотела, но...

— Иди домой, Бет.

— Это не так просто!

— Уйти домой?

— Побороть страх. Это совсем не просто.

— Ты и не должна. — Я пожимаю плечами и понимающе киваю. К сожалению, я толком никогда не умел сопереживать. — До встречи, Бетани, еще увидимся.

Девушка нерешительно машет мне, а я наконец-то прохожу в дом. Я не осуждаю Бет. Ей страшно, и это вполне естественно. Не все готовы рискнуть тем, что у них есть, ради другого человека. Это исключительная глупость на самом деле.

В коттедже Монфор, как всегда, витает запах трав и настоек, которыми Норин обычно лечит раны и поливает неизвестные мне растения. Довольно жуткий дом: темный и тихий, вполне соответствующий всем канонам фильмов ужасов про ведьм и прочую нечисть.

Как я и ожидал, Норин и Джейсон на кухне. Они пытаются отмыть стол от крови, что уже застыла и превратилась в бугристую корочку, а также складывают куски поломанных стульев и осколки разбитых ламп в огромные черные мешки.

— Пришел помочь? — интересуется Джейсон, смахнув со лба испарину. Этот мужчина в два раза больше меня. Я никогда не считал себя хилаком, но сейчас мне кажется, что его ладонь вполне сможет обхватить мою голову целиком.

— Я узнал нечто важное.

— Что именно? — Норин Монфор откладывает в сторону мокрую тряпку и закатывает рукава толстого свитера. — Рассказывай.

— Я разговаривал с Ноа Мортм.

— С кем?

— С отцом Ариадны.

Лицо старшей Монфор вытягивается и становится непроницаемым. А в глазах Джейсона вспыхивают искреннее любопытство и недоверие... Да что врать, я сам бы удивился, скажи мне кто-то, что сегодня я встречу со Смертью.

Норин долго глядит мне прямо в глаза, и мне становится не по себе.

— Это невозможно, — наконец шепчет она осипшим голосом.

— Зачем мне врать?

— Ты вполне мог сойти с ума, — предполагает Джейсон, доставая из кармана брюк пачку сигарет. Он закуривает, выдыхает дым в мою сторону и ухмыляется: — Так ведь?

— Я не спятил.

— Как это произошло? Ты просто позвал его, и он пришел?

Нет, сначала мы с Бетани нарисовали в ее спальне круг кровью и зажгли свечи, но об этом я благообразно умалчиваю.

— Ноа Морт пришел, потому что знал, что я ищу Ари.

— Но почему Ноа не пришел к нам? — не понимает Норин. — Это же невероятно глупо и бессмысленно — прийти за помощью к смертному? Прости, я...

— Какая разница? — внезапно вмешивается Мэри-Линетт, возникшая за моей спиной. Я оборачиваюсь, а женщина уже пронесется мимо. Я рад, что за меня вступились. Правда, уже в следующее мгновение она добавляет: — Смерть никогда не действует логично.

Отлично. Трое взрослых недоверчиво смотрят на меня, и я чувствую себя полным идиотом, хотя пришел не за помощью, а с подсказкой. Тишина звенит в воздухе, а дым от сигарет скапливается под потолком, собираясь в кучевые облака, и я жду, когда семейка Монфор отомрет и попытается смириться с тем, что я оказался на шаг впереди.

— Вы чего? У меня есть зацепка.

— Откуда ты знаешь, что приходил именно Ноа Морт? — ровным голосом спрашивает Джейсон. — Тебя вполне могли навести на ложный след. Это многое бы объяснило.

— Что именно?

— Что пришли к тебе, — поясняет Норин, — а не к нам.

— А вы не думали, что Смерть просто посмотрел и увидел, кто именно ломает голову над спасением Ари, а не драит всю ночь полы?

— Ты хочешь сказать, что...

— Нет, — шепчу я, устало сжав пальцами переносицу, — не хочу и не говорю. Но если честно, я не понимаю, чего вы взъелись. Я собираюсь помочь.

— Ладно, все в порядке, извини, — примирительно говорит Мэри-Линетт. — Ты прав.

— Знаю.

Джейсон едва слышно усмехается, а затем бросает косой взгляд на Норин. Я понятия не имею, о чем они мысленно договариваются, но уже через пару секунд он выбрасывает в мусорный пакет окурок и скрещивает руки на груди.

— Ну выкладывай! Что за информация?

— Имя. Весьма необычное — никогда не слышал ничего подобного: *Джозфранка*.

Сестры Монфор перекидываются понимающими взглядами. Я хмурю лоб.

— Знаете, кто это?

— Приблизительно, — неуверенно отвечает Мэри-Линетт.

— Приблизительно?

— Похоже на лова́ри, — шепчет Норин Монфор, поправляя спутавшиеся волосы. Ветер лениво стучит в окна, отбрасывает тонкие занавески, а затем врзается в лицо, пробуждая меня от странного недоумения. — Иными словами, цыгане.

— Что? — Они, должно быть, шутят. — Цыгане? Разве такое возможно?

— О да, — загадочным голосом протягивает Мэри-Линетт и опирается спиной о стол. — У народов ловари интересная история, интересная и крайне опасная. Мы, ведьмы, предпочитаем с ними не пересекаться.

— Почему?

— Ловари — своенравный, свободолюбивый народ, который чтит магию, но получает ее не от Дьявола.

— А каким образом?

— Забирая силу у других, — тихо бросает Джейсон и переводит взгляд на Норин, — это объясняет, почему Ноа пришел к мальчишке. Ловари опасны для ведьм, но не для людей.

— Но почему Джофранка? Почему цыгане? — недоумевает Норин. — У меня плохое предчувствие. Ловари нельзя доверять! Они опасны, непредсказуемы. Как они помогут найти Ариадну, если договориться с ними практически невозможно? И я не сказала бы, что, общаясь с ними, люди не рискуют.

— Ведьмам обычно достается больше, — едва слышно вставляет Мэри-Линетт.

— Но даже для Мэтта это вполне может обернуться проблемами.

— Просто Ноа Морт знает, что я пойду. — Сестры Монфор, как и Джейсон, смотрят на меня недоуменно. — Я не боюсь и готов пойти, куда вы скажете.

— Мы все пойдем, — кивает Норин, — нужно спешить.

— Стоп-стоп! — останавливает Джейсон, когда сестры Монфор поворачиваются в сторону выхода, и поднимает ладони.

Женщины синхронно вскидывают брови, а я на долю секунды прекращаю быть объектом их слезки. — Вы серьезно?

— Что именно? — напрягается Мэри-Линетт.

— Смерть пришел к этому парню, чтобы вы не вмешивались. А вы пойдете?

— Конечно да.

— Конечно нет, — ледяным голосом отрезает Джейсон и стойко выдерживает грозный взгляд Норин. Старшая Монфор подается вперед, а он уже сходит с места. — Не сейчас. Ты идешь на поводу у эмоций, а к хорошему это не приводит.

— Мы не собираемся сидеть здесь, когда...

— Собираетесь.

— Нет! — Норин семенит за гостем, но он не обращает внимания. Решительно бредет по коридору, подхватывает пальто, но тормозит, когда приткие пальцы старшей Монфор впиваются ему в плечо. — Остановись, пожалуйста. Это же вздор!

— Что именно, Норин?

— Мы не станем сидеть здесь, пока вы спасаете Ариадну, — вступает в разговор Мэри-Линетт.

Джейсон невозмутимо надевает пальто, кивает мне, чтобы я шел к выходу, а затем почти лениво переводит взгляд на разъяренных женщин.

— Во-первых, вам в гостях у ловари делать нечего. Во-вторых, случись что-то с нами, кто нас вылечит, дамочка? — Он с горечью улыбается, а Норин стискивает кулаки. — Ты и сама понимаешь, что должна остаться, как и ты, Мэри. Наведите порядок, успокойтесь. У вас еще будет возможность вляпаться в неприятности, не сомневайтесь.

— Я могла бы помочь, — усмирив пыл, говорит Мэри-Линетт, — мои способности...

— ...крайне необходимы здесь, а там я и сам справлюсь.

Хочу сказать, что к ловари Джейсон собирается наведаться не в одиночку, но потом решаю не вмешиваться. Ищейка прав: если с нами что-то случится, только Норин сможет залечить раны. Ну а защитить Норин вполне сможет Мэри-Линетт.

Но каким образом Джейсон сумеет справиться с цыганами? У него тоже есть способности? Он сталкивался с ними раньше?

Я совсем ничего не знаю об этом типе. Лишь то, что у него заросшее лицо и широкие плечи. Ну и наверняка у него хороший удар справа... и слева. Еще он в курсе, что по земле разгуливают ведьмы, перевертыши, Дьявол и прочая нечисть. Но откуда? Что его с ними связывает?

Мы садимся в старую потертую развалюху, к которой, естественно, никому больше, кроме самого хозяина, не разрешается притрагиваться, и пристегиваемся. Открываю окно, надеюсь взбодриться от прохладного утреннего воздуха, и потираю пальцами виски.

— Как твой брат?

— Нормально, — опускаю руки и киваю, — жить будет.

— А ты?

— Со мной все в порядке.

— Серьезно? — скорее усмехается, чем спрашивает ищейка. Он сбрасывает скорость и дергает уголками губ, отчего мне хочется врезать ему как следует. Кажется, этот человек только и делает, что смеется надо мной, над моими словами и поступками. Это злит. — Эй, тише, парень, — улыбается Джейсон.

— Что?

— Усмири пыл.

— Я молчал.

— Ты многое мне сказал своим дыханием и бешеным сердцебиением.

— Сердцебиением? — Я устало смотрю на ищейку.

— Злишься ты слишком громко.

— Я не... — Отворачиваюсь. Что за чертовщина? Откуда он знает, о чем я думаю? — Ну конечно, — закатываю глаза к потолку. — Это многое объясняет, Джейсон.

— Что именно?

— Вы ведьмак.

В ответ на мое утверждение мужчина покатывается со смеху, что, как ни странно, злит меня еще сильнее.

— Я сказал что-то смешное?

— О да!
— Вы не ведьмак?
— Откуда ты слово такое взял? — Джейсон убирает темные волосы за уши и переводит на меня колючий взгляд: — Мальчик, это полная глупость. Во-первых, способности ведьм передаются только по женской линии. А во-вторых...

— Я не обязан в этом разбираться.
— Ари тебе ничего не рассказывала?
— Нет.
— Плохо.
— Почему же? Это дает вам лишний раз повеселиться. Не так ли? — Пожимаю плечами, а Джейсон смотрит на меня так, будто я вновь сморозил глупость. — Что?

— Ты или смелый, или глупый.
Не отвечаю, потому что сам уже не знаю, какой я. В голове все смешалось, я ничего не понимаю, *не могу понять*. Я будто бы утратил способность анализировать, приходиться к нужным решениям, словам и поступкам. Я чувствую себя брошенным в воду.

— Куда мы едем? — равнодушно спрашиваю я.
— Ловари никогда не сидят на месте. Я пытаюсь уловить их запах.

— Запах?
Отлично! Он пытается *почуять цыган*. Потираю взмокшими ладонями лицо и киваю. Я в дурдоме.

— В чем-то ты все-таки прав, — нехотя изрекает Джейсон, искоса глядя на меня.

— Да неужели?
— Я не человек, это ты верно подметил.
— А кто вы?

Мужчина молчит несколько секунд. Думаю, что он проигнорировал мой вопрос, как вдруг он поворачивается ко мне и впериет в меня ярко-рыжий искрящийся взгляд.

— Что за... — вылетает из меня ругательство, я отшатываюсь.

Радужка Джейсона неестественного цвета, лицо обезображено животным оскалом.

Вот же Дьявол! Хотя нет. У Люцифера глаза красные, а у Джейсона желтые, как у волка. Настоящего волка.

— Так ты... вы...

— ...оборотень.

— Круто, это... да, вполне круто! — Я отворачиваюсь и со свистом выдыхаю: — Неужели все сказки, что нам рассказывали в детстве родители, — реальность? Ведьмы, призраки...

Внезапно мне кажется, что весь мир нас нагло обманывал, утаивая внутри себя вещи, не просто интересные, но и завораживающие, опасные, удивительные! Я вдруг думаю, что живем мы не по-настоящему, а в иллюзии, которую сами же для себя создали.

Вокруг так много неопознанного, а мы и не замечаем. Не хотим замечать.

С одной стороны, желание быть как можно дальше от сверхъестественной жизни вполне объяснимо. Но, с другой, выходит, мы существуем в выдуманном мире, в то время как реальный мир — полная фальшивка.

Неожиданно все то, что раньше имело смысл, теряет его. До меня вдруг доходит, что половина сказанных мною слов, половина совершенных мною поступков ни черта не значат, потому что делал я их будто с завязанными глазами в мире, которого никогда не существовало.

— Не грузи себя, мальчик!

— Это мое дело.

— Это бессмысленная трата времени.

— Оставь при себе свой психологический бред.

— Как скажешь. — Джейсон достает сигареты и опирается левой рукой о подлокотник. — Если будешь много об этом думать, поймешь, что ответов не существует, и сойдешь с ума. Лучше подумай о том, что действительно важно.

— И что же важно?

— Например, сейчас нам важно найти ловари. — Мужчина оборачивается и кивает мне с видом человека, знающего жизнь вдоль и поперек и прошедшего через слишком многое, чтобы спорить о ней. — А завтра нам потребуется что-то еще. Вот и все.

